

В ПОСЛЕДНЕЕ время все чаще слышится фраза: «современное прочтение пьесы».

Одни говорят: «Оставьте Гоюла в покое. Дай-то бог довести вам хотя бы то, что яписано».

Другие же говорят: «Мне неинтересен Арбенин, мне хочется оправдать и возвысить Нику, Дездемону, королеву, в «Тамлесе», влюбившуюся, возможно, в первый раз...»

«Кто прав, кто виноват? — традиционный вопрос».

Конечно же, все зависит от таланта режиссера, от его мировоззрения, от того, что он хочет посвятить. А потом уже, когда придет пора жаты, когда будет готов спектакль, станет ясно, чего добились режиссер старыми или новыми формами изложения.

Все было — утверждалось не раз, но было никогда лишь повторения в рождении одного и того же человека.

Только театр может дважды, трижды, многожды открыт артефакту Гамлета, Протасова, Маскарниа, Хлестакова...

А еще театр может объяснить символами непреклонность их отцов, отцам — юношеские сомнения их синовей и всем вместе рассказать, как «за речкой, в лесу, у скита Легопта, недалеко от Синюхиной гряды, где зори тихие, тихие, где белые сумерки тихо плыли над протретыми камнями», в неравном бою с врагом, еще только лишь начинающая жить, отдала свои жизни пятьдесят: младший сержант Рита Осаянина и четверо бойцов.

«— Пошелуй меня! — попросила Рита Осаянина старшину Васкова. Он неуклюже наклонился, астенчно ткнулся губами».

— Колочий!.. — еле слышно сказала она, закрыв глаза. — Иди. Завали меня ветками и иди...»

Это ее последние слова.

«— Пошелуй меня! — попросила Рита человека, с которым ее, кроме коротких дней службы, ничего не связывало. Она даже относилась-то к старшине с некоторой долей иронии. А уважение к нему возникло только в их первом и последнем бою».

Но так она прощлась о князю, со всем тем, что не случилось и уже не случится.

— Колочий!.. Она еще живо по-женски реагировала, хотя уже знала, что через несколько минут, чтобы зря не мучиться и не достаться живой врагу, пустит себе пулю в висок».

Как поставить эту сцену? Как сделать ее не выпредрей, не риторичной, не слишком сентиментальной? Какие для этой сцены нужны декорации, свет?

Вот тут-то и начинаются откровения Юрия Любимова, поставившего в театре на Таганке спектакль «А зори здесь тихие...»

«Посе «А зори здесь тихие...» (представилась лирическая повесть Бориса Васильева, по которой сделана пьеса, послужившая основой разговора) бесхитростно, произительно, глубоко эмоционально. Она начинается сразу, сразу берет за горло и

продолжает длиться, даже когда артисты, еще не оттая от первоотной ими трагедии, слабо улыбаясь, выходят на поклон. Потрясенный зал, не стравив трагическое ополчение, долго еще живет жизнью пьесы — вот каков исход».

Словно вросший в сцену, напелерный кузовом в зал, то с подиатумом, то с опущенными бортами, стоит обыкновенный, военных времем гаианк».

Этот видный вид «гаианк» — в центре пустой сцены — вся нехитрая декорация, поражающая нас вычлеч своей явной условностью».

Глубина то высвечивается, то вдруг обрезается, и кузов полуторки с откинутыми бортами, словно дом, качается обжигаясь приближением в разведке взводом молодых лейтенант-зенитчиц».

Но вот началась настоящая война, уже не с невидимым противником в высоком небе, а в лесу, с немецким десантом, и доски полуторки становятся стволами деревьев — еще «большая условность. Но мы уже легко абстрагируемся, мы верим происходящему, и нас не покидает напряжение и тревога за судьбы пяти девушек и «старшина с наганом» — Федота Евграфовича Васкова».

Мысль художника Давида Боровского проста и значительна. Не декорация решает, а образ спектакля».

Однажды ночью младший сержант Рита Осаянина, возвращаясь к себе в часть в город, где живет ее мать с трехлетним сыном, обнаружилла в лесу двух немецких парашютистов, о чем и доложила своему старшине. Старшина доложил об этом по начальству и принял решение отрезать вражеским десантникам путь к железной дороге, окружив их в лесу, в районе Синюхиной гряды. Но немцы оказали значительную помощь, два бойца опухшие харабры, девчонок, и, претравив путь фашистам, девчата гибнут...»

Вот и все. Казалось бы, никакой драматургии, никаких

любовных треугольников, лириков, ни неожиданных сценических эффектов. А подкативший к горлу ком давит, и, и подобно мне, повзвашив и хоронившие, отстреливаемые, долго еще живет жизнью пьесы — вот каков исход».

Ну и повелю же всем нам с артистом В. Шаловаловым, прожившим на сцене какую-то часть пашей солдатской жизни! Он словно родился в гимнастерке, отслужил наше и что-то понял, что мы обязаны вспомнить, если объяли, а если не поняли — понять...»

Но самое замечательное — финал...»

Когда умирает Рита Осаянина — последняя из пяти, на опустевшей сцене, под знаменитый осенний вальс «В лесу прифронтовом» кружатся осиротевшие столбы, а меж стволоч метается гигантская фигура Васкова. Мы не видим его лица, но мы слышим мужские рыдания. Старшина плачет в голос, плачет и грохотит гитлеровцам, грохотит и кричит: — Что, ааааа!.. Валяи, да! Пять девчат, пять девочек было, всего плеро... А по прошлы ны, нукуда не прошлы. И слохите здесь, все слохите. Лично каждого убью, дичко...»

Каждое из каждого убью, дичко...»

ных тем фильма Вадима Трунина и Андрея Смирнова «Велорусский вокзал».

Четыре фронтовых друга после войны сошлись у могилы пятого. Давно они не виделись, так давно, что трою из них даже не знали, что живут в одном городе, в Москве».

Не виделись, но искали друг друга: жпак, текучка, лавота, да я судьбы у всех слышном разные».

Один — директор завода Харламов (А. Глазырин), другой — бухгалтер Дубинский (А. Паллан), третий — журналист Киришин (В. Сафонов), четвертый — техник по надобру ва газонным линиями, проходщими под землей, Приходько (Е. Леонов)».

Веда свела их снова вместе и как бы заново переизнакомила, обняла старья, недражлешне сплзи, одним общим корнем уходящие в болота сорок первого года, в

свою веру, вернула в окопы, заставила снова пережить тот апололочно-прекрасный сорок первый год, когда все они были молодыми, сильными, безумными (я имею в виду порог мужества)».

В комнате у Раи скромно, светло и все же грустно».

Почему? Но знаю. То ли потому, что на сцене висит нарточка, где она опять вдвоем с их общим другом, сегодня похороненным. Но ведь он же муж ее. А кто? А кто он Рае? Просто близкий человек, еще на войне, в потом, видимо, что-то случилось, то ли он к семье вернулся, то ли еще что-то стряслало, когда на войне — одно, а по возвращении — не клеится».

А может, потому грустно в ее доме, что она еще не знает о случившемся, а мы это знаем и боимся за нее».

А может, это ожидание песни: грустной, высокой, удивительно сильной (ах, какая песня, с первого раза, как ляжет на душу — не отпустит)».

Нас ждет огонь смертельный И все же бесилен он. Сомнения прочь. Уходит в ночь отдельный Десятый наш десантный батальон».

Почему же хочется думать, когда поет Рая, а ей подпевают сразу ставшие на голову выше Дубинский, Киришин, Харламов, Приходько?..»

Да потому, что в этой песне вся их жизнь, в этой песне победа и победа над собой, их героические прошлые, ставшие нашим и их будущим».

И не зря здесь Андрей Смирнов — молодой режиссер догадался дать черно-белую хроничку воарращения солдат с войны».

...Спит Дубинский, раскинув огромные руки, спит, как дитя малое, Вяля Приходько, спит Харламов с жестким, упрямым волевым лицом, расмлчанным аувачающей в нем песней, спит Киришин, большой, седой, с глубокими продольными морщинами на чуть впалых щеках, спит дощ Раи».

Не опят, как всегда, только Рая. Она постарала ребтам белая (для нее они навсегда останутся ребятами), она должна подумать о том, как смириться с непоправимостью смерти родного человека, она должна еще поправить одеяло на постели совсем юной дочери, к счастью, еще не атающей огорчений».

Рая не спит и потому, что должна еще раз возвратиться с фронта вместе с бойцами в новую жизнь».

Мне кажется, что сейчас, как никогда, необходимо думать о молодом поколении, которому суждено будет прожить жизнь не менее мужественную и волевышнюю, чем та, которая досталась их отцам и дедом. Вот почему глубоко достойными, попросту неоцененными представляются спектакль «А зори здесь тихие...» и фильм «Велорусский вокзал».

Рая! Она обратила всех в Григорий ПОЖЕНЯН.

ПОМНИТЬ!